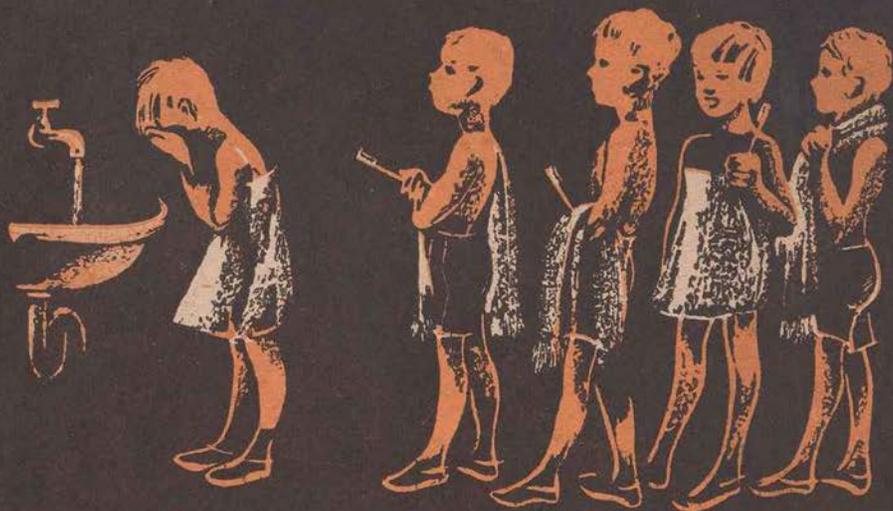

Н·ШЕР

НОВЫЙ

ДОМ

Государственное
1 9 3 0
издательство

Н. ШЕР

Д Л Я Д Е Т Е Й
МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Н О В Ы Й
Д О М

Р И С У Н К И
Н. ГЕМБИЦКОЙ

О Б Л О Ж К А
А. ЩЕРБАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1930 — ЛЕНИНГРАД

Р Е Б Я Т А!

Напишите свое мнение об этой книжке в Отдел детской литературы Государственного издательства. Письма можно посылать без марок.

Наш адрес: Москва, Рождественка, 4. Госиздат, Отдел детской литературы.

МАЛЕНЬКАЯ девочка крепко спит, уткнувшись носом в мягкий зеленый мох. Это совсем маленькая девочка, лет двух — не больше, и спит она в дремучем лесу, под старым-престарым орешником. Вокруг стоят огромные дубы и сосны, стоят совсем неподвижно, как нарисованные; тихонько позвякивают остренькие листочки дикого кизила, цветут дикие яблони, и нет ни одной человеческой души.

Девочка спит очень крепко, так крепко, что не слышит даже, как ползет по ней большой майский жук, как он карабкается сначала на голую ножку, потом по серой рубашонке к подбородку. У самого подбородка он останавливается, шевелит усиками, думает и ждет. Ждет и думает: «Это, должно быть, огромная гора, такая гора, на которую мне не влезть». Впрочем, может быть он так и не думает, не знаю. А ты вот читаешь это начало и уж наверное думаешь: «Это, должно быть, сказка. Это, должно быть, какая-нибудь выдуманная история, потому что обыкновенно не бывает, чтоб маленькие девочки спали в дремучих лесах и чтоб жуки так спокойно ждали, когда они проснутся». Но ты ошибаешься, и это

совсем не сказка и не выдуманная история. Все это было на самом деле.

Девочка спала очень крепко, и девочка действительно не чувствовала, как по ней ползет большой майский жук. Жуку скоро надоело сидеть у подбородка. Он быстро-быстро зашевелил усиками, потом поднял одну ногу, за ней другую и пополз. Вот он ползет по щеке к самому уху. Девочка мотает головой, трет руками глаза, мор-

щит нос и просыпается. Вот она уже совсем проснулась. Она сидит на траве. Она ничего не понимает: «Мама! Где же мама?» Вместо мамы зеленые кусты и мох и хрусталь-

ные солнечные зайчики в листьях. Девочка смотрит на зеленые кусты и не знает, смеяться ли ей или, может быть, плакать? На щеке у девочки красные полоски от мха, на котором она лежала, глаза еще не совсем проснулись, и рот уже морщится, морщится... Сейчас она заплачет.

Вдруг в эту самую минуту зашевелился куст орешника, и из-за куста выбежала девочка, за ней — другая и третья.

— Смотри, смотри, Саламат, Саламат! Что это? Что? Девочка? Откуда?

Девочка еще не успела ни засмеяться, ни заплакать. Она смотрит на больших девочек в пестрых платьях, в янтарных бусах, и она видит, как Саламат, самая большая, садится рядом с ней и говорит:

— Иди ко мне, мое сердце, иди ко мне, моя птичка. Где твоя мама?

Девочка услышала: «мама» и на одну минутку вспомнила родные мамины руки, родной мамин

запах и мамин пестрый платок на голове. Мама? А Саламат уже держит ее на руках и прижимает к себе, совсем как настоящая, большая мама. На шее у Саламат желтые янтарные бусы, а на голове пестрый платок, и девочка ухватилась за бусы ручонкой. Остальные девочки смеялись, сидели на корточках вокруг Саламат и говорили:

— Вот смотри, монеты. Видишь, какие красивые монеты! Смотри, бусы! Красные бусы! Видишь, какие бусы? Возьми!

Но девочка крепко держалась за янтарные бусы Саламат и ничего не говорила.

— Кто это, Саламат? Откуда она? Саламат? А, Саламат? Может быть она принесет нам зло и может быть не надо смотреть на нее?

— Зачем зло, Кумру? Разве ты не видишь, что это живая девочка? Посмотри, какие у нее толстые ручки и ножки, посмотри...

Но Саламат больше ничего не успела сказать. Девочка оборвала нитку янтарных бус и засмеялась.

— Она смеется, смеется! Смотрите, как она смеется и сколько у нее зубов!

— Дай поддержать ее, Саламат, дай поддержать, ведь она не твоя собственная, ведь тебе нужно собирать свой янтарь.

И девочка перешла к Телли и ухватилась теперь за яркокрасные бусы на шее у Телли.

Телли встала.

— Ты хочешь кушать? Хочешь пянир¹?

Девочка вдруг бросила красные бусы. Она услышала знакомое слово: пянир. Ну конечно:

¹ Сыр.

панир! Она хочет панир, и она еще хочет лаваш ¹, и она еще хочет маму! Маму! Маму!

Саламат собрала свои бусы, завязала их в узелок.

— Кто тебя обидел, сердце мое? Иди ко мне. Пойдем домой. Ты хочешь домой?

— Да, домой, скорей домой!

Девочки засуетились, зашуршали своими пестрыми юбками, зазвенели серебряными монетами и побежали в чашу орешника — домой.

Ты думаешь: они побежали в настоящий дом, в городской дом с этажами, лестницами, с большими окнами. Совсем нет. Ни Саламат, ни Телли, ни Кумру не знают даже, что бывают такие дома. Зимой они живут в маленьких лачужках, в саклях, которые гораздо больше похожи на большие каменные ящики, чем на дома. А с ранней весны и Саламат, и Кумру, и Телли, и все мальчишки, и девочки нагорного Курдистана бросают свои дома и уходят высоко в горы.

— Становится тепло. Смотрите, как заскучали бараны. Пора уходить, — говорит ранней весной самый старый старик в семье.

— Пора уходить, пора уходить в горы! Смотрите, как заскучали бараны, — передают из семьи в семью, из деревни в деревню.

И начинаются сборы. Женщины вытаскивают свои платья, свои блестящие украшения, свои

¹ Хлеб.

яркие платки. Туго плетут косы девочкам. Девочки весело нанизывают пестрые бусинки и перекликаются с мальчиками.

— Зиль-фу-кар! Эй! Зильфукар, где потерял ты свой новый кинжал? Куда убежал твой лихой конь?

Нет у Зильфукара коня, и знает Зильфукар — смеются над ним девчонки, но разве не хорошо осел Зильфукара и разве старшие братья еще в прошлом году не ездили на ослах? Что ж, и Зильфукар поедет на осле. Вот он украсил гриву осла пестрыми лоскутками.

— Эй, вы, Телли, Кумру, вот мой конь! — кричит Зильфукар. — Вот мой конь! — И Зильфукар едет на своем коне, высоко задрал голову.

Зильфукар подъезжает к отцу.

— Хорош у меня конь, отец? — подбоченясь, спрашивает Зильфукар.

Отец смеется в седую бороду. Отцу тоже некогда. Он сгоняет своих верблюдов, он чистит своих коней, он смотрит, как мать Зильфукара украшает коврами арбу, и потом, поджав под себя ноги, садится в кружок вместе с другими мужчинами и ждет рассвета.

А на рассвете во всех деревнях звенят колокольчики верблюдов, перекликаются мальчики, скачут кони, и скрипят арбы — дзынды, дзынды!

Некогда ждать! Скорей, скорей на коней, на верблюдов! Некогда ждать! Уж светает. Вот терпеливо на коленях стоят последние верблюды.

Седла уже прилажены. Скорей садитесь, женщины, дети! Динь, динь-динь! — звучат серебряные и медные колокольчики на верблюдах. Динь, динь-динь! — степенно и важно мотают головами верблюды и медленно встают с колен.

Жмутся друг к дружке бараны, бегут. Бежит целое море баранов. Дзынды, дзынды, дзынды, дзын! — скрипят арбы, и за арбами идут длинные верблюды, а за верблюдами бараны, быки, коровы. Гул стоит в горах, по тропинкам, гул новой весны, новой радостной жизни.

На одном из верблюдов сидит Саламат и смеется, и тянет руки к другому верблюду, на котором едет семья Кумру, а дальше Телли и Гульзар, и Зейнаб. Уже два дня по крутым тропинкам все выше и выше в горы бегут бараны, овцы, коровы. Уже много раз в лесной чаще горели костры. У костров чинно сидели мужчины и курили трубки.

И теперь бежит Саламат прямо к своему костру, в свой дом. У костра на корточках старый дед Джафар крючковатыми пальцами осторожно завертывает сыр в тонкий лаваш. Он похож на большую птицу, старую нахохлившуюся птицу в грязной, старой феске. Лохматый Гюмюш закинул умную голову, поджал острые уши и терпеливо ждет своей доли. Мать кормит грудью маленького брата Саламат.

Вот Гюмюш вскочил и бросился в лес.

— Что это, Гюмюш? — медленно оборачивается дед Джафар. — Куда ты?

А Саламат уже кричит:

— Девочка! Это девочка! Мы нашли в лесу девочку!

Мать бросает кормить черномазого мальчишку, кладет его рядом с собой прямо на землю и застегивает кофту.

— Какие глупости говоришь ты, Саламат! Откуда девочка? Чья девочка?

— Вот смотри, дада ¹! — еще громче кричит Саламат. — Разве это не живая девочка? Возьми, возьми ее, поддержи. Видишь! Видишь!

И Саламат хочет передать девочку матери. Но девочка кричит, дрыгает ногами, упирается ручонками в худенькую грудь Саламат и совсем не хочет идти к этой чужой женщине.

— Поди, поди ко мне, — говорит старый Джафар. — Ты кричишь так, как будто тебя сейчас будут резать, как молодого барашка. Поди сюда, вот возьми панир.

Девочка посмотрела на старого Джафара, потянулась к нему и схватила сыр. Джафар засмеялся: кхе-кхе-кхе. Девочка широко открыла рот и улыбнулась.

Маленький черноглазый брат Саламат подполз совсем близко к старому Джафару и закрычал. Ему, должно быть, не нравилась эта новая девочка, которой дали такой большой кусок сыра.

¹ Мама.

— Кш, кш, кш! — взяла его на руки мать. — Кш, кш, кш! Молчи, мое солнце, молчи.

А девочка быстро, быстро принялась двумя передними зубками грызть сыр, потом вдруг потянулась к грязно-красной феске старика. Старик покорно подставил голову: «Сними, сними», — сказал он. Девочка стянула феску, старую красную феску, и, широко открыв рот, смотрела на совсем голый череп старика с белым пушком около ушей. Потом, не выпуская фески из рук, весело засмеялась и хлоп-хлоп-хлоп — застучала ручками по голове старика. Хлоп-хлоп-хлоп!

— Как твое имя? — спрашивает мать Саламат. — Как твое имя?

Девочка молчит, и только звонко стучат маленькие ручки — хлоп-хлоп-хлоп, и весело смеются глаза.

— Как тебя зовут? — наклоняется к девочке Саламат. — Как тебя зовут, мое сердце?

Девочка не хочет отвечать. Может быть она не понимает вопроса. И мать говорит Саламат:

— Надо покормить девчонку, все равно, как бы ее ни звали, она, должно быть, хочет есть.

— Ты говоришь, Туту? Она говорит — Туту! Слышишь, Саламат? — спрашивает старый Джафар. И Саламат слышит, как девочка твердит: «Туту! Туту!»

— Должно быть, ее так зовут, — говорит Саламат. Но какое странное имя, — смеются Кумру и Телли.

— Туту! Пускай будет Туту! Слышишь, Гюмюш? Ее зовут Туту.

Гюмюш слышит, но Гюмюш ничего не хочет отвечать. Он стоит совсем неподвижно, насторожив уши, и, вероятно, ему не особенно нравится, что девочка бьет по голой голове его старого хозяина, а все кругом смеются.

— Ну, будет, будет, — говорит Джафар. — Возьми девчонку, Саламат. Туту? Пускай зовут «Туту». Возьми Туту, Саламат.

* * *

Просыпается утро. Шумят, шуршат, потрескивают деревья. Перекликаются птицы — чинк-чинк-чинк! Крепко спит маленькая Туту рядом со своим новым черномазым братом, и рядом с ними спит сердитая женщина, сердитая мама черномазого мальчика. Спит и старый Джафар, спит Саламат, прижав худенькие колени к самому подбородку и уткнув голову в шерсть Гюмюша.

Скоро в путь. Вот сейчас проснется старый Джафар и пойдет в обход. Он посмотрит, как спят бараны, тесно прижавшись друг к другу. Он погладит шершавые морды верблюдов и усмехнется в седую бороду. Он скажет Гюмюшу:

— Так, так, старый! Может быть в последний раз идем мы с тобой в горы. Смотри хорошенько, не растеряй баранов.

А Гюмюш? Что делает Гюмюш? На этот раз он просыпается первым. Он быстро вскакивает,

вытягивает морду к лесу и поднимает уши. Что это? Люди? Чужие люди в лесу, так близко от стоянки старого Джафара? И Гюмюш закатывается лаем и бежит к лесу. Он видит две тени. Тени идут к Гюмюшу. Вот из-за деревьев совсем близко подходит к Гюмюшу маленькая девочка с большим узлом в руке. Гюмюш на минуту перестал лаять. За ним уже стоит старый Джафар.

— Что с тобой, старик? Что с тобой?

Старый Джафар не видит девочки, и Гюмюш недоволен. Девочка стоит неподвижно — она боится Гюмюша, боится чужого старика. И только когда за девочкой появляется вторая тень — тень старой толстой женщины, Джафар соображает, в чем дело.

— Чужие! Ты говоришь, чужие? Эй, вы, кто вы такие? — дребезжит голос Джафара. — С какой стоянки?

Женщина подходит совсем близко к Джафару.

— Подержи собаку, подержи собаку, видишь — ребенок боится.

— Молчи, Гюмюш, — говорит Джафар, и Гюмюш поджимает хвост и ложится у ног Джафара.

Женщина всплескивает руками.

— Ай-вай-вай, аллах! Какое у нас случилось несчастье! Какое несчастье! Целый день вчера ходили по лесу. Потеряли дорогу в новый город.

— В город? В новый город? — переспрашивает ее Джафар. — Зачем вам новый город? Ты, поч-

тенная женщина, что ты потеряла в новом городе, который забыл аллаха и его законы?

— Пусть завянут мои уши, ослепнут мои глаза, прежде чем я скажу тебе, зачем мы идем в новый город, — говорит женщина.

— Пусть будет по-твоему. Пойдем к стоянке, там поговорим, — сказал Джафар.

Гюмюш побежал вперед. За ним, опираясь на палку, худой, крючконосый шел Джафар. За Джафаром, переваливаясь, кряхтя и охая, шла женщина в длинных пестрых шароварах, в длинной, обшитой позументом кофте, в ковровом платке. За женщиной, путаясь босыми ногами в длинной серой юбке, шла девочка.

Туту с черномазым братом и Саламат еще спали. Мать уже проснулась. Увидев незнакомых, она вздохнула: «Опять чужие, которых надо кормить. Где голова у этого старого Джафара?»

Но обычай велит быть гостеприимным. И мать встала, поклонилась и сказала:

— Откуда ты, женщина? Будь нашей гостьей, и пусть дочь твоя будет сестрой моим детям.

Чужая женщина сказала:

— Мы шли так много и так далеко, что ноги у меня распухли как бревна. Позволь нам посидеть у твоего костра.

Мать Саламат еще раз поклонилась и ответила:

— Пусть костер мой будет твоим костром и дом мой твоим домом.

Чужая женщина тяжело опустилась на землю и стала снимать с себя сначала один платок, потом другой и третий. Мать Саламат наклонилась к костру, на котором уже стоял котелок с водой. Девочка села рядом с ней, все время любопытно глядя на спящих детей. Джафар стоял, опираясь на палку, и кряхтел:

— Кхе-кхе-кхе! Так ты говоришь — новый город? Кхе-кхе-кхе! Новый город, в котором столько нечестивых дел, сколько звезд на небе у аллаха? Зачем тебе новый город?

Чужая женщина молча разматывала свои платки. Потом сняла последний платок, встряхнула его, накинула на голову, прикрыла им рот и, вытирая пальцами жирные губы, тяжело вздохнула.

— Ай-вай-вай, хорошие люди! Разве по своей воле пойдет старая женщина в новый город? Разве она совсем потеряла стыд и разве не боится она навлечь проклятие аллаха на свой дом? Но когда у этой женщины есть сын, в сакле у которого пусто, как в пустом тазу, разве может эта старая женщина говорить что-нибудь? Сын говорит: веди дочку в новый город, веди в новый дом! Пускай там живет. Что может сказать против этого старуха? Девчонка красивая, девчонку замуж пора, хороший выкуп за нее дадут. А что такое этот новый дом? Кто знает?

Все время, пока говорила старуха, девочка сидела молча, насупившись. Несколько раз она

порывалась что-то сказать, но каждый раз, взглянув на старуху, снова опускала голову и хмурила тоненькие брови. Она знает, что нужно молчать, когда говорят старшие. Она знает — так было в доме ее отца, и много раз бил ее отец, прежде чем научил ее молчать, когда говорят старшие.

Но если б можно было ей говорить, она рассказала бы, как тяжело живется ей в доме отца, как много приходится ей работать и как часто приходится ей голодать. Она совсем маленькая и худенькая девочка, и тетка Гульзар, которая живет в доме после смерти матери, всегда говорит, когда раздает хлеб: большому телу большой кусок, маленькому — маленький, и ей достается такой маленький кусочек, что она может проглотить его в два раза. А старый Мустафа, за которого тетка Гульзар хотела выдать ее замуж, — толстый, сердитый старик!

Девочка вздыхает, девочка смотрит на спящих детей, а старуха продолжает говорить:

— Трудно теперь аллаху, трудно! Сколько нечестивых дел приходится ему разбирать! Ай-вай-вай, сколько у него работы!

И Джафар поддакивает:

— Работы много, и аллах хорошо трудится...

Черномазый мальчик у костра зашевелился, вытянулся на спинке, не раскрывая глаз, сладко зевнул и стал тереть ручонками глаза. Потом неуклюже, как настоящий маленький барашек, стал на четвереньки и сел, все еще продолжая тереть

глаза: «Дада, дада, дада!..» От его крика проснулась Туту. Она сидела рядом с мальчиком, терла глаза и тоже кричала: «Дада, дада, дада!» Но у мальчика была своя, настоящая дада, и эта дада сунула ему в руку кусок горячей лепешки, и мальчик замолчал, зачмокал, а у девочки дады не было, и девочка ничего не хотела брать. Она отбивалась и кричала: «Дада, дада, джан!»

— Ай-вай-вай, какие хорошие дети, какие жирные дети! — запела старуха. — Крепкая девочка, красивая девочка, хорошо будет держать дом свой, за хорошего человека замуж пойдет.

Саламат продолжала спать, свернувшись клубочком. Мать закричала:

— Вставай, вставай, лентяйка! Возьми, успокой своего лесного найденыша!

— Найденыша? Так эта девочка не дочь вам? Сразу видно, сразу видно, что чужой ребенок.

А Саламат уже сидела на корточках возле девочки, ласкала ее и тихонько шептала ей:

— Дада придет, скоро придет! Смотри, какая вкусная лепешка, смотри, сколько паниру, смотри!

И сама Саламат смотрела на чужих людей и не понимала, откуда они взялись. Чужая девочка подошла к Саламат и тоже стала на корточки возле Туту. Туту перестала плакать. Туту уже сидела на коленях у новой девочки и ела свою лепешку. А мать Саламат рассказывала о том, как нашли девочку.

— Что нам с ней делать? В горы брать? В лесу бросить?

— В лесу бросить? В лесу бросить? Такую хорошую девочку бросить в лесу? Нет, нет! Я отнесу ее в детский дом, — тихонько сказала чужая девочка.

— Пускай провалится твой детский дом с тобой и со всеми, кто в нем живет. Зачем в детском доме лесной найденыш? — сказала тетка Гульзар, и мать Саламат подхватила:

— Кто знает, может это курдский ребенок, а может и армянский? Что делать армянскому ребенку в курдском доме?

Тогда тетка Гульзар закачала головой так сильно, что затряслись ее жирные щеки и запрыгал толстый жирный подбородок.

— Вай-вай-вай, хорошая женщина, добрая женщина, что знаешь ты об этом детском доме? Ведь говорят, что детей там не разбирают, говорят, всех берут — и курдских, и армянских, и если попадетя, и русских. Всех одним хлебом кормят, в одном тазу моют. Пусть ослепнут мои глаза, пусть провалюсь я сквозь землю, прежде чем дойду до этого проклятого детского дома.

Старый Джафар стоял молча, опираясь на свою палку. Он тоже ничего не понимал из того, что теперь делалось. Много лет под ряд ездил он в кочевку, много лет под ряд бывал в городе и никогда ничего не слышал о детском доме.

«Разве можно жить вместе курдским и армянским детям? Разве можно им есть из одного котла и не прогневить этим аллаха? — думал старый Джафар. — Кончается мир, сердится аллах, все скоро пойдет прахом»... Вздыхая, опустился Джафар на землю, перебирая свои янтарные четки.

Туту потянула ручки к красной феске Джафара. Джафар улыбнулся и сказал:

— Ой, не похож этот ребенок на курдского! Это армянский детеныш.

Мать Саламат насторожилась: армянский детеныш? Чтоб армянский звереныш спал рядом с ее сыном? Чтоб он ел из курдских рук? Чтоб он рос в курдском доме? Не бывать этому! Пусть остается в лесу этот армянский звереныш, или, может быть, эта чужая женщина захватит его с собой в детский дом, отнесет его в новый город.

Тетка Гульзар молчит. Она смотрит на Туту, которая тянется к красной феске Джафара, и потом вдруг говорит:

— Не пропадать же девчонке в лесу. Один грех, два греха — аллах все равно одинаково накажет, — бормочет она и протягивает руки к Туту, протягивает ей блестящий позумент на своей кофте, и Туту забывает о феске и ползет к тетке Гульзар. Она пристально смотрит на позумент и нацеливается на него ручонкой. Она радостно загребает его, крепко зажимает кулачок и подносит к самому носу, потом раскрывает руку и ничего не понимает, смотрит на ладонь, на позу-

мент на кофте. Как это случилось? Она снова загребаёт позумент и снова раскрывает пустую ладонь, и это так смешно, что и мать Саламат, и тетка Гульзар, и старик Джафар совсем забывают о том, что это армянский детеныш, и весело смеются, глядя на нее. А тетка Гульзар, захлебываясь и колыхаясь всем своим телом, причитает:

— Ай-вай-вай, хороший ребенок, толстый ребенок! Кто потерял? Как потерял?

Туту карабкается по тетке Гульзар. Саламат с новой девочкой сидят на корточках рядом и прищелкивают руками: «Ай, дида, дида-да! Ай, ди-да, дида-да!» И девочка думает: «Неужели, правда, возьмет в новый дом эту девочку тетка Гульзар? Неужели правда?» И сердце стучит: тук-тук, тук-тук! Возьмет! Возьмет!

— Сердце мое, солнце мое! Ты будешь моя маленькая дочка, я тебя никому не отдам, и я дам тебе лавашу столько, сколько захочет твоя душа, — тихонечко шепчет она.

* * *

Через час по лесу снова ползет в своих ковровых платках и широких юбках тетка Гульзар, и за ней с трудом поспевают худенькая Геймат с тяжелой Туту на руках. Тетка кряхтит, охает и молится аллаху. Геймат крепко прижимает к себе Туту и шепчет: «Дочка моя, дочка моя»... А мать черноглазого мальчика возится у костра и охает. Может быть ей жалко, что отдала она Туту.

* * *

— Сатья-баджи, Сатья-баджи, иди скорей, иди скорей! Гости идут! Гости идут!

— Где гости? Какие гости? — спрашивает

Сатья-баджи. Она стоит на высокой табуретке у окна и прилаживает к окну пестрые занавески. Рукава у нее высоко засучены, волосы растрепаны, весело смеются глаза, и блестят белые ровные зубы. — Какие гости?

Сатья - баджи прибывает последний гвоздь.

— Подождите, подождите, сейчас. Пойди, Бянувша, посмотри, кто там идет.

— Чужие, чужие! — кричат дети. — Мы знаем! Разве ты не видишь? Вон уж совсем дошли. Скорей, скорей!

Сатья-баджи соскакивает с табуретки.

— Ну, разве я могу итти скорей, когда вы меня не пускаете?

— Иди, Сатья-баджи, иди, тебя никто не держит. Кто же тебя не пускает? Кулизадэ! Кулизадэ! Это он толкается и мешает тебе итти.

Сатья-баджи идет, окруженная детьми. Сатья-баджи идет по большой белой комнате прямо к выходу, и вместе с ней идет целая толпа черно-головых стриженных ребятишек. Большая белая комната с белыми кроватями и белыми стенами — это спальня девочек в детском доме. Сатья-баджи — заведующая этим детским домом. А толпа ребятишек? Кто же они такие, эти ребятишки? Как они попали в этот белый дом?

Вот, послушай. Впрочем, нет, сейчас никак нельзя рассказывать тебе об этих ребятишках и о белом детском доме. Сейчас надо итти встречать гостей. Вот они совсем близко. Вот Бянувша бежит им навстречу. Сейчас и Сатья-баджи подойдет к ним. Кто же это? Толстая женщина и с ней девочка, а у девочки на руках ребенок. Это тетка Гульзар и Геймат, и Туту. У тетки Гульзар лицо красное, потное, она сердито вздыхает. Перед домом зеленая лужайка, вокруг низенький зеленый забор, вокруг тетки Гульзар тесное кольцо черномазых ребятишек в белых рубашках, в белых коротеньких платьях.

Сатья-баджи подходит к тетке Гульзар.

— Откуда? — спрашивает она, и уже знает: это не гости, это детей привели в детский дом.

А тетка Гульзар сердито, недоверчиво смотрит на детей, на белый дом и не знает, садиться ли

ей на маленький паласик ¹, который принесла из дому Бянувша и разостлала на земле у забора.

— Издалека, — отвечает она и принимается развязывать свои платки. — Издалека, — повторяет она и грузно опускается на землю.

— Вай-вай-вай, сколько детей! Вот возьми еще двоих. Освободи душу.

— Посмотрим, — говорит Сатья-баджи. — Посмотрим, можно ли поставить еще кровати. У нас тесно, своим не хватает места.

Тетка Гульзар молчит, поджимает губы и укоризненно качает головой: совсем голые дети ходят. Где стыд? Где срам потеряли?

За пазухой у тетки Гульзар аккуратно сложенная и завернутая в ситцевую тряпочку записочка.

— Вот возьми, читай, сын прислал. Мой сын — большой начальник.

Сатья-баджи берет записочку.

Геймат стоит, насупившись, и крепко держит за руку Туту. Геймат страшно. Она никогда не видела такой большой сакли, как этот белый двухэтажный дом. Может быть он упадет? И какие странные девочки! Должно быть, правду говорит тетка Гульзар, что они потеряли стыд. Нет, нет, Геймат не хочет здесь оставаться. И Туту не отдаст! А Туту весело. Туту вытягивает мордочку, поблескивает глазенками и сияет, как ярко начищенный медный таз на солнце.

¹ Коврик.

Сатья-баджи кончила читать. Сатья-баджи вздыхает: надо взять девочку, раз так плохо живется ей дома, надо взять.

— Ну, что ж, оставайся. Тебя как зовут? — спрашивает она у Геймат.

Геймат ничего не отвечает и потом вдруг закрывает лицо обеими руками и плачет.

— Нет, нет, я не хочу оставаться. Я назад домой пойду с теткой Гульзар.

Бянувша обнимает Гульзар. Бянувша что-то тихонько шепчет ей на ухо.

— Здесь хорошо, глупая, оставайся, оставайся. Вот увидишь, как хорошо!

Сатья-баджи садится на палас рядом с теткой Гульзар. Сатья-баджи как будто бы не замечает, что Геймат плачет. «Пусть Бянувша поговорит с девочкой», — думает Сатья-баджи и говорит:

— Идите в дом.

— Пойдем, пойдем в дом, — говорит Бянувша и тянет за собой Геймат.

— Пойдем — умыться надо, сейчас кушать будем. Тебя как зовут? Геймат? А ее?

— Туту, — тихонько говорит Геймат; ведь она отлично понимает, что такого имени нет, и ей совсем не хочется, чтобы эти голые чужие девочки смеялись над ее дочкой.

— Туту! Туту! — смеется Бянувша, и за ней смеются девочки и мальчики. — Туту! Туту! Какое хорошее имя и какая хорошая девочка! Дай нам ее поддержать. — И Туту уже верхом на пле-

чах Гассана, и Гассан несется вперед, в белый дом, а за ним — вся толпа ребятишек с Бянувшей и Геймат.

«Что это? — думает Геймат и смотрит на ряд белых кроватей, на маленькие столики у каждой кровати. — Что это? Для чего эти подставки?»

Но спросить Геймат боится. А Бянувшя уже знает. Она сама в прошлом году первый раз пришла в этот дом и никогда не видела кроватей, и теперь она отлично понимает, что думает Геймат. Она бежит к одной из кроватей и ложится на нее.

— Когда придет ночь, мы все ложимся спать каждый на свою кровать — вот так! — кричит Бянувшя и закрывает глаза.

«Спать на таких высоких подставках? — думает Геймат. — Ни за что».

А Бянувшя смеется. Бянувшя так хорошо понимает, что происходит в душе у Геймат. Гассан с размаху бросает Туту к Бянувшю. Туту визжит, барахтается.

— А как же она? Тоже на этой подставке? — решается спросить Геймат.

— Ну конечно, только кровать с сеткой, только в другой комнате, сейчас увидишь, — важно говорит Бянувшя, и снова все вместе бегут в спальню маленьких, а Геймат думает:

«Другая комната? Что это?»

В «другой комнате» много маленьких кроваток с голубыми сетками.

— Это моя! Смотри, а я здесь сплю! — кричат маленькие дети, но все они немного постарше Туту. А Туту снова на плечах Гассана, и Геймат тихонько спрашивает:

— Туту? Где будет спать Туту?

Бянувша не знает, а Геймат говорит:

— Она будет спать со мной, я ее не отдам, она маленькая.

— С тобой? Нет, у нас этого нельзя, — смеются дети и бегут дальше в столовую, в умывальную, в кухню.

Геймат устала, Геймат уже совсем ничего не понимает. Она даже не знает, где Туту. А Туту уже давно на руках у Сатья-баджи. Сатья-баджи ее вымыла, надела на нее такое же беленькое платье, какое

было на других девочках, постригла машинкой ее кудластые волосы, и теперь все они сидят перед домом на зеленой лужайке, и тетка Гульзар уже не поджимает губы, а только качает головой и вздыхает: «Стыд потеряли, стыд потеряли!»

Но знаешь, она вздыхает так, как будто бы ей совсем не хочется вздыхать, а Туту от Сатья-баджи переехала к ней на колени и крепко спит.

— Будем ужинать здесь, — говорит Сатья-баджи. — Посмотрите, как здесь хорошо.

И через несколько минут на зеленой траве белет скатерть, и стоит огромная миска с пловом¹, и дежурные раскладывают плов по тарелкам.

Геймат думает: «Какой праздник празднуют они сегодня?» А тетка Гульзар осторожно, чтобы не разбудить Туту, подносит последнюю ложку ко рту, вытирает пальцами губы и говорит:

— Вай, аллах, как хорошо вы умеете праздновать праздники!

Сатья-баджи удивляется:

— Какие праздники? Это у нас каждый день так.

— Каждый день плов? Каждый день пачкают столько посуды?

Дети смеются. Тетка Гульзар качает головой:

— Вай, вай, аллах, совсем конец мира пришел!

Но Сатья-баджи, должно быть, думает по-другому. Она смеется и говорит:

— Поживи у нас несколько дней, посмотри, как мы живем, и ты увидишь, что это только начало нового мира.

— Поживи у нас! — говорит Гассан и вдруг, весело вскочив на ноги, кричит:

— Давайте петь! Давайте петь! Мчатся кони по дороге! Эй! Эй! Эй!

За ним подхватывают ребята:

¹ Рис с бараниной.

— Посмотрите, посмотрите! Эй! Эй! Эй!

Тетка Гульзар ничего не понимает. Говорят, нет праздника, а сами кричат песни, как в настоящий майдан.

— Ай, вай, забыли аллаха, забыли аллаха!

Геймат тоже ничего не понимает, но на душе у нее делается радостно, ей хочется петь вместе с этими мальчиками и девочками, которые кажутся ей такими родными, близкими, своими.

А Туту крепко спит, уцепившись ручонкой за позумент на кофте тетки Гульзар.

* * *

— Сатья-баджи, отвечай, пожалуйста! Ты скоро приедешь?

Сатья-баджи затягивает узел хурджина¹. Ей некогда, ей надо торопиться, чтобы поспеть к поезду, до поезда надо еще проехать верхом шестьдесят километров, а у Сатья-баджи осталось так мало времени.

Туту стоит насупившись.

— Сатья-баджи, Сатья-баджи, — говорит она серьезно, — ведь мне тоже некогда, ведь у меня секрет. А вдруг кто-нибудь придет?

Сатья-баджи смеется. Туту тоже смеется. Она уже совсем большая девочка, и ей уже не нужно становиться на цыпочки, чтобы посмотреть, что делается на столе.

¹ Дорожный мешок.

— Ну, скорей, говори свой секрет, я слушаю, — и Сатья-баджи снова принимается за хурджин.

— Ты слушай хорошенько, ты смотри на меня. Разве так слушают? Видишь? — Туту протягивает Сатья-баджи руку. — Видишь деньги?

Сатья-баджи бросает хурджин.

— Деньги? Какие деньги?

Но Туту не слушает.

— Ты в Баку едешь? Купи мыло. Я хочу быть белой, как Фатьма.

Сатья-баджи берет деньги — ярко начищенную копейку, и, кажется, Сатья-баджи улыбается. Туту сердится.

— Зачем ты смеешься? Ты мыло купи! И потом, смотри, не забудь, привези сдачу. На такие деньги тебе должны дать сдачу.

Сатья-баджи говорит:

— Хорошо, Тутушджан, хорошо! — и крепко целует Туту в обе щеки. — Я привезу тебе такого мыла, от которого ты будешь чистая-чистая.

— Белая, ты скажи — белая! — громко кричит Туту и сейчас же обеими руками закрывает рот. Вдруг кто-нибудь услышит? Не слышал ли Гассан? Вот он входит.

— Готово, — говорит Гассан. — Скорей, Сатья-баджи, лошади ждут.

Гассан — самый старший мальчик в детском доме. Он едет вместе с Сатья-баджи в Баку. Он осматривает хурджин, подтягивает веревки, затягивает потуже свой ремень на рубахе, потом

подхватывает одной рукой хурджин, другой — Туту и бежит во двор.

У крыльца ждут лошади. На зеленой лужайке перед домом белые ряды мальчиков и девочек делают гимнастику. Туту бежит к ним:

— А я что-то знаю! А я что-то знаю!

— Не мешай ты, чернуха, — весело улыбается ей учитель. — Не мешай ты, маленькая чернуха.

Туту не делает по утрам гимнастики. Она еще мала. Геймат — маленькая мама Туту — тоже очень выросла, и Геймат каждое утро смотрит за тем, как умывается и одевается Туту. Но Геймат теперь уже не может носить Туту на руках, и Туту часто убегает от Геймат, потому что очень не любит мыться и убирать свою постель.

Гассан прилаживает к лошади хурджин. Он старается не смотреть на товарищей, которые делают гимнастику, и вид у него такой важный, как будто бы он уже сделался учителем и получил первое жалованье. А ребята, как только увидели Гассана с хурджином, стали кричать:

— Али Ахмедли, можно после урок кончать? Сатья-баджи уезжает.

Али Ахмедли махнул рукой: раз Сатья-баджи уезжает, проводить надо!

А Сатья-баджи стоит уже в дверях и завязывает голову белым шелковым платком с зеленой каймой. Потом вытаскивает записную книжку.

— Ну, кому еще что привезти? — спрашивает она. — Тут, кажется, все записано.

— Смотри, ничего не забудь, а то обидно будет, — серьезно говорит Бянувша.

— Уж если записано, не забуду, — закрывает Сатья-баджи книжечку. — Надо ехать. Так ты, Бянувша, смотри, тоже ничего не забудь.

И Бянувша важно качает головой: конечно, она ничего не забудет. Ведь не в первый раз ей оставаться вместо Сатья-баджи.

— Садись, садись, Сатья-баджи, — видишь, Кяриш не стоит на месте! — зовет Гассан. — Слезай, Кулизадэ, зачем ты на Кяриша забрался?

Но Кулизадэ не слышит.

— Эй, эй! — кричит он, низко пригибаясь к седлу, и скачет от крыльца по тропинке вокруг дома. Через секунду он уже на месте.

— Теперь я, теперь я! Слезай скорей! — кричат ребята.

— Теперь никто, — решительно заявляет Сатья-баджи, — теперь ехать надо.

Гассан сердится. Возьмет ли он Туту? Сатья-баджи удобнее усаживается в седло, хлопает коня по шее и говорит:

— Поехали.

Туту рядом с Гассаном.

— А я?

Гассан совсем забыл. Ведь Туту полагается прокатить. Это ее право. Она самая маленькая, и никто на нее за это не сердится. Кулизадэ поднимает Туту. Туту садится на седло перед Гассаном и жмурится от счастья.

— Эй, эй-эй! — кричит она. — Прощайте!

— Прощай! Прощай! — бегут за лошадьми ребята. — Приезжай скорей!

А Геймат с Бянувшей спускаются вниз, в овраг, по крутой тропинке. Здесь они будут ждать свою дочку у Зеленого источника, потом возьмут ее за руки и побегут с ней назад, домой, навстречу всем мальчикам и девочкам, которых Али Ахмедли снова собирает на урок гимнастики.

* * *

Туту стоит у забора и ждет. Она встала сегодня первая. Никто не видел, как она накинула на себя белое платье и тихонько, чтобы никого не разбудить, подошла к окну. Она стала на подоконник, минутку посмотрела вниз, размахнувшись всем телом, прыгнула на землю, в траву, и стремительно побежала к калитке. Здесь она долго возилась с задвижкой. Она не умела ее открывать. Потом пробежала вдоль забора к тому самому месту, где так часто лазила через забор, быстро вскарабкалась вверх, примерилась, прыгнула и побежала вдоль тропинки к завороту дороги.

Сегодня приедет Сатья-баджи, и Туту хочет первая ее встретить. Туту стоит и смотрит на уходящую дорогу, на яркозеленые лужайки, на игрушечные домики деревень внизу, в долине. Она слышит, как шелестят листья кукурузы рядом на кукурузном поле, как бьет горный источник, и Туту думает: «Вот сейчас приедет Сатья-баджи,

и вот привезет Сатья-баджи мыло, и вот Туту умоется и станет белая, и все будут удивляться, и никто уже не будет дразнить ее чернухой».

Цок-цок-цок, — кажется, будто слышит Туту.

— Это она, — говорит Туту и припадает ухом к земле, совсем как Гассан, когда ему хочется знать, едет ли кто-нибудь по дороге.

Туту слышит какой-то гул, и в ухе отдается — цок-цок-цок. Туту вскакивает на ноги и бежит за большой камень у кукурузного поля: сейчас она испугает Гассана.

Проходит минута, другая. Вот и Гассан и за ним Сатья-баджи. Теперь уже у обеих лошадей хурджины. Сколько интересных вещей привезла Сатья-баджи из города!

— Эй-эй, балла! — вдруг кричит Туту и бросается к лошади. — Эй-эй, балла! Стой!

Гассан осаживает лошадь.

— Туту? Что ты тут делаешь, Туту?

— Испугался! — кричит Туту. — Испугался, думал — разбойники?

— Конечно, испугался, — говорит Гассан, — конечно, испугался. — А посмотри, как испугалась Сатья-баджи.

Сатья-баджи весело смеется.

— Теперь посади! — просит Туту, и Гассан покорно слезает с лошади и подсаживает Туту.

Туту садится на лошадь Гассана и хватается за седло. Туту сидит на лошади так, как будто бы она всю свою жизнь не слезала с коня. Длинные

стремена болтаются, а маленькие босые ноги бьют по седлу и подгоняют лошадь.

— Но-но-но, Кяриш, но-но-но!

Кяриш послушно бежит рысцой, за ним едет Сатья-баджи и рядом большой, загорелый Гассан.

— Эй-эй-эй! — кричит Туту. — Эй-эй-эй, мы приехали!

Во дворе на зеленой траве уже барахтаются ребята. Они ждут очереди умываться.

— Едут, едут! — вдруг замечают они всадников. — Едут, едут! — бегут они к лошадям.

— Здравствуй, Сатья-баджи, здравствуй! Эй, Гассан, что привез? Показывай скорей.

— Да подождите вы, дайте доехать! — отбивается Сатья-баджи от загорелых рук. Кяриш осторожно шагает, потряхивая головой и пофыркивая. Он привык к таким встречам, но, очевидно, они доставляют ему гораздо меньше удовольствия, чем Гассану и Сатья-баджи. Кулизадэ вертится у самых ног Кяриша, и Кяриш мордой тихонько подталкивает Кулизадэ.

— Не мешай ты, глупый мальчишка, дай подойти к крыльцу.

Вот доехали. Снимают хурджины. Уводят лошадей. Сатья-баджи идет в дом.

— Ну, рассказывай, Сатья-баджи, рассказывай скорей!

Но Сатья-баджи сначала спрашивает: ей надо знать, как ребята жили без нее почти целую неделю. Бянувша рассказывает.

— Видишь, все было хорошо! — перебивает Кулизадэ. — Ты после еще узнаешь. Ты после спроси учителей. Все было хорошо!

Сатья-баджи покоряется. Она рассказывает все сначала, о том, как они с Гассаном приехали в Баку, как они там делали покупки, как жили в детском доме. Туту на коленях у Сатья-баджи.

— А мне привезла? — тихонько говорит Туту. — А мне привезла мой секрет?

— Ну конечно, — шепчет Сатья-баджи. — Давайте теперь распаковывать хурджин.

И здесь начинается самое интересное. Через минуту на столах и стульях груды вещей. Неужели все это помещалось в двух хурджинах? У ребят счастливые, возбужденные лица. Во дворе уже летает мяч, а в углу комнаты Туту внимательно рассматривает пеструю картинку на мыле Тэжэ. Сатья-баджи теперь свободна: она может умыться и переодеться. Она идет к себе в комнату, а за ней бежит Бянувша.

— Сатья-баджи, Сатья-баджи, я забыла тебе сказать. У нас не все благополучно. Со вчерашнего дня пришла женщина с девочкой и спит в кухне. Говорит — нужно работу, а Пеппо говорит, чтобы подождала тебя.

— Почему же ты думаешь, что это неблагополучно? — спрашивает Сатья-баджи.

Бянувша смеется.

— Да я так сказала, просто, — и бежит назад.

В комнатах пусто. Во дворе на зеленом лугу ковер. На коврах белые скатерти, и дежурные расставляют посуду. Сейчас первый завтрак, и ребята будут сидеть прямо на траве, поджав под себя ноги так, как они сидели у себя дома, так, как еще до сих пор сидят их отцы и матери.

Сатья-баджи умылась, переоделась и уже успела осмотреть весь дом.

— Ты зачем пришла к нам?— спрашивает она в кухне чужую женщину.

Эта чужая женщина одета в грязные лохмотья, и рядом с ней стоит худая черненькая девочка, растрепанная, в длинной юбке, и в ушах у нее большие оловянные серьги. Девочка смотрит на Сатья-баджи как маленький звереныш, и когда Сатья-баджи хочет с ней поздороваться, она цепляется за юбку

матери и отворачивается.

— Вай, ханум, сколько голоду, сколько холоду пришлось нам вытерпеть! Возьми дочку, развяжи руки.

Сатья-баджи качает головой. Она знает: девочку надо взять. Надо что-то устроить. Но как? Ни одной свободной кровати, ни одного свободного уголка, ни одной копейки лишних денег.

— Ты армянка? — спрашивает Сатья-баджи. Женщина посмотрела на Сатья-баджи и на минуту заколебалась.

— Армянка, — сказала она потом, — армянка. Ты думаешь, армяне жить не хотят?

Сатья-баджи заговорила по-армянски.

— Ты говоришь по-нашему? — обрадовалась женщина. — Ты говоришь по-нашему? — И она быстро-быстро заговорила, запричитала, заплакала на родном языке.

Сатья-баджи улыбнулась.

— Так ведь я же сама армянка!

Женщина закачала головой.

— Вай, ханум, не обманываешь ли ты меня? Чтоб армянка жила в курдском доме? Смотрела за курдскими детьми? Не может этого быть!

Сатья-баджи засмеялась.

— Почему не может быть? У нас есть разные дети — и курдские, и армянские, и русские. Вот сама увидишь.

Женщина замолчала, задумалась. Потом вдруг подошла к Сатья-баджи совсем близко, заглянула ей в глаза и тихонько сказала:

— Вай, ханум, сколько горя я терпела! Сколько горя я терпела от курдов! А теперь душа разрывается: не знаю, что лучше, — чтоб девчонка с голоду умерла или в курдском доме жила. Вчера пришли сюда, три дня не ели. Пускай бог-аллах простит за курдский хлеб.

— Послушай, — сказала Сатья-баджи серьез-

но, — послушай. Жизнь переменялась. Пускай наши дети в дружбе живут.

— Жизнь переменялась, говоришь ты? Конечно, жизнь переменялась, но ведь бог-аллах не переменялся, бог-аллах за все грехи накажет.

И женщина снова замолчала. Потом вздохнула, поправила платок на голове и сказала:

— Пеппо говорит — тебе работница нужна? Возьми меня. Возьми меня, ханум, — не пожалеешь. А за грехи вместе богу-аллаху отвечать будем. Ты умная, ханум, ты образованная, ханум, ты больше нашего понимаешь, ты хорошо будешь говорить с богом-аллахом, когда он наши дела разбирать будет.

Сатья-баджи уже решила, что нужно устроить и мать, и ребенка. Пускай не хватает места и денег, но ведь к весне обещают достроить второй дом, обещают дать денег.

— Хорошо, — сказала она, — оставайся помогать Пеппо. А девочку надо постричь и вымыть. Как ее зовут?

— Сирануш.

— Пойдем, Сирануш, пойдем со мной, там много девочек.

Но Сирануш крепко держалась за юбку матери.

— Иди, иди, — старалась отцепить руки девочки мать. — Иди с ханум.

Девочка уткнулась в колени матери и громко заплакала. Сатья-баджи сказала:

— Ну, она после придет, когда захочет. А сейчас я пришлю к ней детей.

Бянувша стояла на коленях рядом с маленькой Сирануш и что-то шептала ей в ухо. Туту пригнула к себе голову своей маленькой мамы, Геймат, и тоже шептала ей в ухо:

— Посмотри, какие у нее красивые серьги. Вот бы мне такие! Я очень люблю серьги! — Но Геймат нахмурила тоненькие брови.

— Сатья-баджи велела снять серьги и хорошенько вымыть уши, — сказала она, — а серьги надо отдать Сатья-баджи.

Туту вздохнула. Потом:

— Я буду смотреть, как ее будут мыть.

— А кто за тебя будет дежурить? — шептала Геймат.

Туту совсем забыла про дежурство.

— Ах, да, ах, да, я забыла! — закричала она и побежала из кухни по коридору в столовую. В столовой уже кончали мыть чайную посуду.

— Ты где была? Ты где была? Мы почти все без тебя вымыли. Вот так дежурная!

Туту жалобно посмотрела на Кулизадэ.

— Нет, нет, мы тебе еще много оставили, — засмеялся Гассан. — Вот смотри. Вот!

Туту дежурила вместе с Гассаном и Кулизадэ, она очень любила свое дежурство и всегда очень серьезно исполняла все свои обязанности. Когда надо было стирать пыль с мебели, то

Гассан сажал ее к себе на плечи, и Туту смахивала пыль со шкафов прямо на голову Гассана.

Кулизадэ дал Туту кончик мокрого уже полотенца, и Туту, наклонив голову на бок и высунув от усердия язык, старательно терла чашки.

А Бянувша все еще стояла на коленях рядом с маленькой Сирануш, и постепенно лицо Сирануш прояснялось. Она уже не отталкивала локтем Бянувшу. Она вдруг спросила:

— А лаваш дашь большой?

И Бянувша закивала головой, обрадовалась.

— Большой, большой лаваш. Пойдем со мной, сейчас увидишь. Принеси, Геймат, лаваш в ванную и Пеппо туда позови и попроси у Сатья-баджи блюдечко варенья.

Но Сатья-баджи уже стояла в дверях, в руках у нее было беленькое платье, и лифчик и большой кусок лаваша с вареньем.

Бянувша засмеялась.

— Сатья-баджи, ты угадала мои мысли.

— Смотри, смотри, Сирануш, сколько хороших вещей — и все тебе! — сказала она.

Мать Сирануш качала головой и причитала:

— Вай, балла, вай, балла, пусть ослепнут мои глаза, если я что-нибудь понимаю, пусть убьет меня гром на этом самом месте, и пусть накажет меня бог-аллах за то, что я своими собственными руками отдаю дочку в курдский дом.

Сирануш услышала: «курдский дом» и насто-рожилась. Она привыкла к тому, что курд всегда враг, что в лесу ночью надо бояться курдов, что курд может убить и ее, и мать так, как убили когда-то отца и маленькую сестру. И Сирануш снова насупилась и исподлобья взглянула на мать и потянулась к ней. Но Бянувша весело посмотрела на мать Сирануш.

— Что ты говоришь, чужая женщина? Что ты говоришь? Я уже два года живу здесь, и я была армянка, и я была ничья, а теперь у меня есть дом — и курдский, и армянский, и русский. Тут мы все живем. Тут мы не разбираем, кто чей, мы все одинаковые.

Бянувша встала и подошла к женщине.

— Ты не плачь, ты попробуй только здесь пожить. Попробуй только,—говорила она так же, как несколько лет тому назад говорила Геймат. Женщина посмотрела на Бянувшу, на Сатья-баджи, вытерла глаза, вздохнула, решительно поджала губы и махнула рукой:

— Пусть бог-аллах простит и благословит

меня. Не может быть, чтобы такие хорошие ханум делали грешные дела. Не может быть!

— Пойдем, Сирануш, пойдем, — уговаривала Бянувша девочку. Но ее, впрочем, особенно уговаривать теперь не приходилось.

Она смотрела на розовенькое блюдечко и шла за Сатья-баджи. Она покорно сидела на стуле, пока Сатья-баджи ее раздевала, и крепко уцепилась за Бянувшу, когда стригли ее под машинку. Потом потянулась за блюдцем с вареньем и улыбнулась.

Бянувша надела на Сирануш маленькое беленькое платьице с красненькими пуговицами, взяла ее за руку и побежала с ней по коридору в столовую. В столовой никого не было. Бянувша заглянула в спальню маленьких. Она искала Туту. Она думала, что Сирануш будет веселее с Туту. Сначала ей показалось, что в спальне тоже никого нет. Потом вдруг она увидела в углу за дверью маленькую фигурку.

— Кто это? Туту?

Бянувша бросилась к ней.

— Что ты тут делаешь? — спросила она и нагнулась к Туту. Туту ничего не отвечала. Она сидела на корточках, отвернувшись к стене и закрыв ручками лицо. — Ты плачешь? Что случилось?

Бянувша села на пол рядом с Туту. Бянувша обняла Туту и увидела в руках у Туту кусок розового мыла и скомканную обертку от мыла.

— Что случилось, мое сердце? Кто тебя оби-

дел? Ты только скажи — и Бянувша пойдет защищать тебя.

Туту бросила мыло на пол, ухватилась обеими ручками за тело Бянувши и громко заплакала.

— Сагья-баджи привезла мыло, а я сказала...

Бянувша ничего не понимала. Бянувша только тихонько глядела Туту по голове и тихонько говорила ей:

— Успокойся, сердце мое, успокойся! Все будет хорошо. Посмотри, какая красивая картинка на бумажке, и посмотри еще на новую девочку. Видишь, какая она чистенькая, и видишь, как она смотрит на тебя?

Туту вдруг замолчала. Она посмотрела на новую девочку — Сирануш, потом улыбнулась и протянула ей бумажку.

— Возьми, возьми, мне не жалко. Посмотри, какая красивая картинка, — сказала она, совсем как Бянувша.

Сирануш не хотела брать картинки, и тогда Туту подошла к ней, и так как Туту была немного, совсем немного повыше Сирануш, то она нагнула голову, заглянула ей в глаза и сказала:

— Ты теперь будешь моя подруга. Хочешь?

Сирануш молчала. Туту взяла ее за руку. Туту чувствовала себя совсем большой, и Туту засмеялась.

— Теперь и у меня есть маленькая дочка, маленькая подруга, — сказала она и побежала вместе с Сирануш на двор.

Во дворе играли в волейбол новым черным мячом. Туту бежала прямо на площадку.

— Смотрите, смотрите! — кричала она. — Вот моя новая подруга, вот моя дочка!

Гассан промазал мяч, Кулизадэ заворчал, сердито замахали руками девочки.

— Не мешай, не мешай!

Но увидев Сирануш, тотчас же забыли и о мяче, и о площадке.

— Новая девочка! Новая маленькая девочка!

Вдруг Гассан засмеялся и схватил на руки обеих девочек.

— Посмотрите, — сказал он, — посмотрите, как они похожи друг на друга.

Девочки сидели на плечах у Гассана. Туту — веселая, задорная и Сирануш — робкая, испуганная.

Сатья-баджи стояла на крыльце. Гассан побежал к ней с обеими девочками на плечах.

— Посмотри, Сатья-баджи, — кричал он, — посмотри, как они похожи!

Бянувша бежала из кухни, и за ней шла чужая женщина — мать Сирануш. Бянувше очень хотелось, чтобы она посмотрела на свою чистенькую маленькую дочку. Чужая женщина подошла к Гассану и протянула руки к своей дочке.

— Посмотри, посмотри, как они похожи! — кричал Гассан. — Скоро и твоя дочка будет такая же толстая, как наша Туту.

— Но, но, но, поехали! — уцепилась Туту в волосы Гассана. — Но, но, ты — моя лошадь!

Чужая женщина смотрела на девочек.

— Бог-аллах, как они похожи! Скажи ты, ханум, чья это девочка. Откуда?

Сатья-баджи засмеялась.

— Из лесу, ее нашли в лесу.

— Что ты говоришь, ханум? В лесу? Где? Когда?

Женщина бросилась к Сатья-баджи. Женщина смотрела на Сатья-баджи такими странными глазами, и так сильно дрожали у нее руки, как будто бы от ответа Сатья-баджи зависела ее жизнь.

Сатья-баджи стала рассказывать.

— Скорей, скорей! — говорила чужая женщина. — Рассказывай, ханум, рассказывай. Когда? Серое платье? Ты говоришь — серое платье? Это Татуш! Моя дочка! Пропала в лесу, я думала — курды убили. Бог-аллах, это Татуш!

Чужая женщина плакала, чужая женщина бросилась за Гассаном.

— И ты думаешь — плакала только чужая женщина? Сатья-баджи тоже плакала и смеялась и тоже побежала за Гассаном.

— Что случилось? Почему бежит чужая женщина и за ней Сатья-баджи, и почему они машут руками Гассану, а Гассан бежит галопом, как настоящая лошадь, и ни на что не обращает внимания? Что случилось? — спрашивали друг друга ребята и побежали за Гассаном.

Но ребята, конечно, не плакали. Они догнали Гассана, они повалили Гассана на землю и весело

смеялись, пока не прибежала чужая женщина, пока не подошла Сатья-баджи и пока все не разъяснилось. Плакала только маленькая Сирануш, потому что она боялась чужих мальчишек и девочек, потому что она была еще глупенькая и совсем не понимала того, что случилось.

* * *

— Бог-аллах, — говорила спустя полчаса чужая женщина, — бог-аллах, как много у меня счастья! Разве могу я поверить тому, что это мои дочки? Посмотрите, добрые люди, какие они красивые, какие они чистые! — И чужая женщина плакала и смеялась, а рядом с ней стояли маленькие девочки. Туту крепко держала руку своей новой маленькой сестры, и Туту было весело, немного стыдно и смешно. Она неловко тыкалась головой в колени своей новой мамы, и она совсем не знала, что ей говорить. Потом тихонько сказала:

— Пойдем, пойдем, Сирануш. Посмотри: вон Бянувша, а вот Геймат, — и Туту потянула за собой Сирануш вниз, на поляну, ко всем мальчишкам и девочкам, ко всем своим братьям и сестрам.

По двору шла Сатья-баджи. Она смотрела на детей, она весело смеялась и кричала:

— Ужинать, ужинать, ужинать!

Пахло свежими дынями, шуршали сухие листья кукурузы, и звенел колокольчик в руках Сатья-баджи.

— Ужинать, ужинать, ужинать!

